

Усеинов Т.Б.

УДК 820/89 (100-87)

ПАНЕГИРИК В РАМКАХ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КРЫМСКОТАТАРСКОЙ
ПИСЬМЕННОЙ СИЛЛАБИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ. ВОСХВАЛЕНИЕ МЕСТНОГО
НАСЕЛЕНИЯ

Актуальность. Неизученной областью средневековой крымскотатарской силлабической поэзии остаётся *панегирик*, что не даёт возможности всестороннего анализа письменного народного стиха.

Цель работы – изучение панегирика, образной системы народных хвалебных поэтических форм, а также определение их особенностей.

Вступление. В рамках понятия “средневековый крымскотатарский письменный силлабический панегирик” важное место, наряду с *восхвалением земного человека* и *восхвалением географической местности*, отведено *восхвалению местного населения*.

Как правило, данное понятие раскрывается с помощью, целого ряда *двухсоставных образных систем*, с обязательным участием субъекта восхваления. Рассмотрим лишь некоторые из них:

“*Восхваление местного населения – восхваляющий*”. Отдельное внимание отводится, народными поэтами, *восхвалению* местного населения. Благоухающие сады и величественные дворцы – это дело их рук. Насколько прекрасен город, настолько должны быть прекрасны и его жители. В этом духе написано и большинство хвалебных дастанов – народ приветлив, трудолюбив, красив, весел и т. д.

“*Молодёжь – восхваляющий*”. Прекрасный город (Бурса) полон света и тепла, радости, и веселья. Молодёжь наслаждается летом, в приятных оку, уединённых дворцах и особняках:

...8. ...Abdülmü'min köşkü doldu güzeller
Sem'oluben geldi haziran deyü...

Подстрочный перевод:

...8. ...Летний дворец Абдюльмумина заполнился красавицами,
Собирая [всех – Т. У.], наступил июнь... [3, с. 52].

“*Работники восточного базара – восхваляющий*”. Отношение *восхваляющего* к работникам базара (лавочникам, ремесленникам, носильщикам и т. д.) скорее отрицательное. Строки, посвящённые поэтом этой категории людей, нельзя назвать *восхвалением*. Данные строки несут сатирическую и, в то же время, описательную мысль, хотя и заключённую в рамки *хвалебного произведения*.

Ювелиры способны на мошенничество:

...19. ...Kuyumcular bakakalur gümüşe
Boncuk ta olsa satar mercan deyü...

Подстрочный перевод:

...19. ...Золотых дел мастера (ювелиры) заглядываются на серебро*,
Даже если будут стеклянные бусы – выдадут за коралл... [3, с. 53].

* *Серебро* – в Османской империи и в Крымском ханстве, серебряные монеты выполняли функцию денег. Поэт под словом “серебро” имеет в виду “денежную единицу”

“*Красавицы – восхваляющий*”. Поэт, как ценитель красоты и очарования, в новом городе, сразу же, замечает прекрасных девушек. Он посвящает им отдельные строки, прославляя их привлекательность:

...20. Aşika dan ikrarın güdüyor
Ela gözlülerin medhin ediyor...

Подстрочный перевод:

...20. Знающий о любви своё признание распространяет,
Кареглазых восхваляет... [3, с. 53].

“*Дервиш – восхваляющий*”. В Средневековье, большим почтением, среди населения, пользуются религиозные особы (кади, мулла и т. д.), а так же, имеющие прямое отношение к мистике, странствующие дервиши или же бродячие аскеты, называющиеся *риндан*.

Суфийские ордена, в это время, достаточно популярные структуры, которые влияют не только на культурно-религиозную сферу, но и на политическую обстановку в государстве.

Всеобщее почтение, к знаменитому *риндану* (аскету), передалось и ашыку, что отразилось в его *хвалебном произведении*:

... 12. ...Her ne millet ister isen bulunur
Baba Cafer gibi rindanımız var...

Подстрочный перевод:

...12. ...Что не пожелает народ – найдётся,
Есть у нас такой дервиш (аскет, риндан), как Баба Джафер... [3, с.49].

“*Высокопоставленные чиновники – восхваляющий*”. Особым уважением пользуются у ашыков высокопоставленные вельможи. Они, прежде всего, люди состоятельные и влиятельные. Складывается впечатление, что при их оценке, человеческие качества отходят на второй план. Подобное раболепство и преклонение перед богатством широко распространено, народными поэтами не скрывается и даже популяризируется (вспомним, что в своих сатирических произведениях народные авторы, практически, не затрагивают интересы высших слоёв общества).

К примеру, *Ашык Омер* (...–1707) помимо прославления “людей государства”, готов читать молитвы в честь их здоровья и при этом главным достоинством *восхваляемых*, кажется, является нахождение их на том или ином посту:

...16. Padişah-ı aleme kaldı dua
Muammer ola fevziyle ulema
Cümle erbab-ı devlet hep vüzera
Sultan Ahmed gibi bir Hanımız var...

Подстрочный перевод:

...16. Падишаху и миру осталось читать молитвы,
Благополучно здравствуют его щедростью (милостью) учёные.
Всем государственным людям и визирям,
У нас есть такой Хан, как Султан Ахмед... [3, с. 50].

В обоих отмеченных выше *дастанах* (посвящённых Стамбулу и Бурсе) вторая, и заключительная, композиционная часть занимает практически весь объём произведения, за исключением первого и последнего *бенга*.

В *хвалебной кошме* же о Дунае *восхваление* занимает весь объём произведения.

Отдельного внимания заслуживает *описание* в рамках *хвалебного произведения*. Будучи многоплановыми произведениями, и *хвалебный дастан*, и *хвалебная кошма* допускают “мирное сосуществование” *восхваления* с *описанием*. Бесспорно, подавляющий “хвалебный объём” отмеченных произведений допускает лишь небольшое “вкрапление элементов” *описания*, ровно в той степени, в какой *повествование* “не затмит” *панегирик*.

В произведении “*Дастан о Бурсе*” (“*Бурса дестаны*”) *Ашыка Омера*, объёмом 25 бенгов, лишь в нескольких из них мы обнаруживаем *повествование*. Причём, поэт неразборчив при выборе рифмующихся слов: (“*namaz*” – молитва, “*ifraz*” – экскрет):

...23. Namazgah'ta kıldık hacet namazi
Yeşil imaret'te gördük ifrazı...

Подстрочный перевод:

...23. На месте молитвы прочитали намаз,
В зелёной благоустроенности увидели экскрет... [3, с.54].

Отметим, что в Средние века, хотя и очень редко, обнаруживаются стихотворные формы, в которых используется ненормативная лексика и прослеживаются богохульные мысли.

Однозначной и бесспорной причины появления данного явления, как в крымскотатарской метрической, так и в силлабической поэзии, на сегодняшний день, назвать сложно. Мы предлагаем несколько версий:

а) данный факт может свидетельствовать о некоей очередной ступени в мастерстве (творчестве) поэта, когда он, будучи признанным, не утруждается переосмыслением подобных вопросов;

б) не исключено, что приём “кричащего сравнения” использовался автором в целях ещё большей собственной популяризации;

в) подобные примеры в творчестве целого ряда средневековых крымских поэтов – это, возможно, крымскотатарское *декаденство*. Прослеживается традиционный, ярко выраженный “культ красоты как высшей ценности, который нередко проникнут аморализмом” [1, с.42].

Влияние *классического дивана* (на крымскотатарскую силлабическую поэзию), в области *описания*, так же велико, как и в области *вохваления*. Отсюда и осязаемая близость написания произведений, поэтов-ашыков Крыма, с правилами написания классического арабского метрического *васфа* (*васф*) – повествовательного стихотворного произведения кочевых бедуинских племён.

Б. Я. Шидфар, изучавший арабский *васф*, отмечает: “Практически любой предмет или явление могли послужить объектом “описания”, важно было выдержать это “описание” на определённом эстетическом уровне путём употребления строго отобранной лексики “среднего” уровня, не допуская проникновения слов ни “высокого”, ни “низкого” уровня и ограничивая *мани* обычными рамками” [2, с.216].

Крымскотатарская письменная силлабическая поэзия, творимая синтезированным языком “среднего” уровня, идеально подходит для написания *описательного произведения*, элементы которого, без затруднения, мы обнаруживаем в *панегирике*, так же, в большинстве своём, написанной “усреднённой” лексикой:

...24. ...Timarhanede deliler çağrışur
De ver ol ma'cundan deyü...

Подстрочный перевод:

...24. ...Шумят (кричат) помешанные (безумцы) в сумасшедшем доме,
Говоря: “Дай того опиума”*... [3, с. 54].

* В Средние века, на Востоке, единственным эффективным средством, в лечении психически больных людей, считался опиум (*маъджун* – аргю опиум)

...10. ...Tüfekçiler zabteylemiş delisin...

Подстрочный перевод:

...10. ...Стражники задерживают безумного (спятившего)... [3, с.49].

Если в *восхвалении* взаимоотношения объекта и субъекта можно разделить на понятия “*восхваляемый* – *восхваляющий*”, то в *описании* – это выглядит, как “*описываемый* и *восхваляемый* – *зритель*”.

Зритель в *описательных* туркумах (строках), зачастую, является субъектом абстрактным, как в единственном, так и во множественном числе.

Объект же, часто, параллельно описывается и восхваляется, как в следующем примере, где речь идёт об одной из ворот Стамбула:

...12. Zindankapusu aşikar olunur
Borcu olanların bağı delinür...

Подстрочный перевод:

...12. *Зинданкапу* делает очевидным [скрываемое – Т. У.],
Пробивается грудь должников [здесь – Т. У.]... [3, с.49].

Интересным выглядит использование средневековыми крымскотатарскими ашыками *оплакивания*, которое, по своей сущности, очень близко к *восхвалению*.

В данном вопросе ориентирование народных поэтов на каноны *классического дивана*, отмеченные выше, остаются в силе. Ашыки, в виде образца для подражания, прямо или косвенно, используют арабскую *риса* (*риса*) – оплакивающее метрическое стихотворное произведение арабских кочевых племён.

Народная поэтическая форма, отображающая семантическую нагрузку *оплакивания*, носит название *агыт* (*агъыт*). Правила написания этого стихотворения сходны с правилами написания *кошма* (*къошма*) (объём, стихотворный размер “пармак”, народная рифма, язык и т. д.).

1. Gazilerin serefrazi ağası
Vasfını söyleyen diller ağlasın
Bunca guzat ile o kahramanın
Gazaya eştiği yollar ağlasın...

Подстрочный перевод:

1. ... Выдающийся, среди борцов за веру, старший брат,
Восхваляющие его сердца пусть плачут.
Того героя, вместе со столькими *гази**,
Спешащая на газават** дорога, пусть плачет... [4, с.244].

* *Гази* – мус. гази, борец за веру (за Ислам)

** *Газа* – мус. газават, война за веру, священная война

Вот, что пишет арабский теоретик литературы – *Кудам* о близости написания *оплакивания* и *восхваления*: “Между *мадх*ом [восхвалением – Т. У.] и *риса* [оплакиванием – Т. У.] нет большой разницы, только в *риса* имеется какое-нибудь слово, указывающее на то, что этот человек уже умер, например “Он был”, или “Он ушёл от нас”, или “Он скончался” и т. п., но ведь это не прибавляет ничего к высказанной мысли и не убавляет...” [2, с.184].

Это положение подтверждается и на уровне *образной системы*, а точнее, объект и субъект выражены сходными понятиями “*восхваляемый* – *восхваляющий*”.

Различие носит формальный характер – речь о главном герое ведётся в прошедшем времени с намёком или упоминанием на его кончину:

...4. Din uğruna daim giderdi yola
Ettiği gazalar gelir mi dile
Hısım akrabası kardaşı ile
Hizmetinde olan kullar ağlasın...

Подстрочный перевод:

...4. На пути веры постоянно выходил в дорогу,
Производимые им газаваты можно ли описать?
Вместе со всеми родственниками и братом,
Находящиеся на его службе рабы пусть плачут... [4, с.244].

Б. Я. Шидфар пишет о том, что “*риса* богаче сюжетами, чем *мадх*” [2, с.185], о чём мы не можем уверенно утверждать, в том числе, в силу ограниченности крымскотатарского текстологического материала. Имеющееся у нас в наличии ярко выраженное *оплакивание*, нашедшее отражение в поэтической форме *кошма* [4, с.244], которую точнее будет назвать – *агыт* (*агъыт*), не даёт право предположить достоверность выше представленного утверждения для крымскотатарской ашыкской силлабической литературной традиции. Скорее всего, в этом вопросе “*царит паритет*”.

Заключение. Ограниченный текстологический материал даёт возможность сделать выводы следующего характера:

– восхваление местного населения, в рамках *крымскотатарского письменного силлабического панегирика*, носит столь же важный характер, как и *восхваление земного человека*, а также *восхваление географической местности*;

– в *хвалебных произведениях* присутствуют *описание* и *оплакивание*;

– в традиционной *хвалебной народной форме поэзии* (дастан и кошма), должны обязательно присутствовать следующие неотъемлемые атрибуты:

- а) факт восхваления реального человека;
- б) описываемое событие (в котором участвует *восхваляемый*);
- в) наличие литературного псевдонима автора.

Остальные характеристики (трёхчастная композиция, по типу канонизированной арабской дворцовой *касыды*, закрепление действия во времени и месте, описание природных явлений, предметное или цветное сопоставление *восхваляемого*, участие второстепенных образов и т. д.) для панегирических произведений, не столь важны и обязательны.

Источники и литература:

1. Декадентство // БСЭ. – 3-е изд. – М., 1972. – Т. 8. – С. 42.
2. Шидфар Б. Я. Образная система арабской классической литературы VI-XII вв. / Б. Я. Шидфар. – М. : Наука; Главн. ред. вост. лит-ры, 1974. – 254 с.
3. Elçin Ş. Aşık Ömer / Ş. Elçin. – Ankara : Kültür bakanlığı, 1999. – 123 s.
4. Elçin Ş. Gevheri Divanı (Inceleme-Metin-Dizin-Bibliografya) / Ş. Elçin. – Ankara, 1998. – 763 s.
5. Osmanlıca-Türkçe Ansiklopedik lugat / Haz. F. Devellioğlu. – Ankara : Aydın Kitabevi, 2001. – 1195 s.

Шкіцька І.Ю.

УДК 811.161.2'371'27

РОЛЬ ПОВТОРУ В МАНІПУЛЯТИВНІЙ СТРАТЕГІЇ ПОЗИТИВУ

Повтором називають експліцитне чи імпліцитне повторення елементів лексичного значення та семантико-структурних компонентів синтаксичних конструкцій [7, с. 12], фігуру мови, що полягає у дво- або кількаразовому використанні в межах контексту в певній послідовності тотожних чи подібних (як у формальному, так і в семантичному аспектах) звуків, слів або їх частин, синтаксичних конструкцій, ужитих компактно або дистантно, для досягнення відповідного виражального чи виражально-зображального ефекту [8, с. 496].

Повтору притаманна поліфункціональність: він уможливує нове сприймання, підкреслює емоційний момент, бере участь у створенні почуттєвих домінант, підвищує дієвість намірів мовця, виконує апелювальну функцію, дозволяє утримувати увагу співрозмовника. Ще О.О. Потєбня звернув увагу на стилістичне значення повторів, зауваживши, що "збільшення вживання в мовленні одного і того самого слова дає нове значення, об'єктивне або суб'єктивне" [5, с. 552].

Іноді повтори "сигналізують про напружений емоційний стан мовця, якому внаслідок хвилювання інколи досить важко дібрати необхідне слово" [2, с. 7]. Йдеться про так звані "мимовільний повтор", що протиставляється власне повтору і являє собою заповнення мовних пауз.

Повтор досліджували російські (О.О. Шахматов, Н.Ю. Шведова, В.Г. Гак, Ю.В. Трубнікова, Н.Т. Головікіна, В.І. Єрьоміна, Н.Є. Цветкова, О.Ю. Корбут, А.А. Мальченко, І.Ю. Ковальчук) та вітчизняні вчені – А.П. Коваль, І.А. Синиця, Н.С. Дужик, О.В. Бекетова, В.І. Охріменко, Л.Б. Пришляк, І.В. Соколова, Е.Ф. Маліновський.

На матеріалі художньої української літератури цей стилістичний прийом вивчали А.К. Мойсієнко, О.В. Огоновська, О.Є. Пивоваров, М.Я. Плющ, С.Я. Скляр, Т.П. Беценко, Н.М. Івкова, З.О. Пахолок, Т.В. Жук та ін. Досліджуючи повтор як художній засіб індивідуально-авторського естетичного й емоційного освоєння, більшість учених трактують його як семантично значущий елемент, що бере участь у формуванні змістової структури тексту. Прагматичні особливості функціонування повтору висвітлені в працях Ж.С. Павловської, І.В. Соколової, В.І. Охріменко, Е.Ф. Маліновського тощо. Незважаючи на зростаючу кількість мовознавчих студій із прагматичної, поза увагою вчених дотепер була маніпулятивна стратегія позитиву й особливості її вербалізації. Ця стратегія спрямована на зміну поведінки або ментального чи емоційно-психічного стану співрозмовника шляхом повідомлення йому приємної інформації, зокрема у вигляді похвал, компліментів, схвалень. Основною тактикою цієї стратегії постає тактика підвищення значимості співрозмовника, що виявляється в позитивному оцінюванні співрозмовника або вираженні мовцем прихильності до нього. Цю тактику представляють переважно експресиви – компліментарні висловлювання та висловлювання, що передають позитивне ставлення до співрозмовника. Відсутністю досліджень особливостей функціонування повтору як засобу посилення маніпулятивного впливу в межах реалізації тактики підвищення значимості співрозмовника маніпулятивної стратегії позитиву зумовлена актуальність нашої наукової розвідки.

Мета статті – дослідити специфіку виявлення маніпулятивного потенціалу повтору. Відповідно до мети завданнями постають: визначення видів, специфіки вербалізації та функції повторів у тактиці підвищення значимості співрозмовника маніпулятивної стратегії позитиву, з'ясування функціонального навантаження повторюваних елементів в експресивах.

За мовним рівнем реалізації розрізняють звукові, лексичні, синтаксичні повтори, за формально-семантичним вираженням одиниць – повні та часткові, за функціями в мові – композиційні та номінативно-експресивні, за місцем розташування повторюваних елементів – контактні та дистантні.

Композиційні повтори є засобом організації художнього тексту і мають вигляд анафори, багатосполучниковості, паралелізму, епіфори, хіазм.

Суть номінативно-експресивних повторів полягає в подвоєнні окремих мовних елементів із метою увиразнення й підсилення мовцем свого емоційного стану, передаваних почуттів.

На лексико-синтаксичному рівні розрізняють власне лексичний повтор, синонімічний повтор, антонімічний повтор, уживання слів-субститутів та перифразів, лексико-синтаксичний паралелізм тощо.